

МУТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА: ФЕНОМЕН СЕТИ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

М. Кастельс: сетевое общество и пространство потоков

В таком же ключе выстраиваются концепции теоретиков « сетевого общества », которые редко обращаются к геополитике, но чьи теории сплошь и рядом берутся на вооружение современными « постгеополитиками ».

М. Кастельс вводит само понятие « сетевое общество » (Network Society). Сеть — это социум, понятый как динамическое явление, не имеющее константных структур. Единственный смысл существования сети — это коммуникации. В ходе коммуникации по сети передается информация, которая становится самостоятельной реальностью, предшествующей смысловой нагрузке. Информация — это знание, лишенное смысла. Смысл относится к области декодирования и трансляции концептуальных матриц, но это не дело сети и коммуникаций. Сеть и коммуникации живут динамикой передачи информации и ориентированы только на увеличение ее скорости и устранение помех.

Ситуация, при которой сеть становится всеобщей и всеохватывающей, определяется Кастельсом как «информационализм».

В обществе-сети фундаментальной мутации подлежит само понятие об индивидууме. Кастельс пишет:

«Первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Как я пытался показать, единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам» 161.

Здесь мы видим, как постепенно начинает приобретать форму замеченная социологом Н. Луманом 162 и пока еще относительная независимость системы от человека.

Сеть влечет за собой новое понимание пространства. Кастельс пишет об этом так:

«...новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» 163.

Пространство потоков отрывает от привычного пространства (географического и социального) тех, кто интегрируется в сеть. Сеть уничтожает пространство, снимает его, переводит фиксированную позицию в эфемерный, быстро меняющийся пучок энергии.

Концепция «пространства потоков» прямо отсылает нас к «стихии Моря», которая становится в условиях глобализации вездесущей. Информационизм также является чисто «морским» принципом, т. к. в нем акцент падает не на дешифровку константных смыслов, но на причудливые каскады информационных потоков самих по себе, которые сами же формируют мгновенные симулякры смыслов, которые тут же рассеиваются в новых потоках.

Что же касается информационной сети как самостоятельной единицы, не зависящей от индивидуума и просто заменяющей его, то здесь М. Кастельс переходит к постмодернизму и теме постчеловека, предлагая новую версию той реальности, идущей на смену человечеству (наряду с ризомой, киборгами, мутантами и т. д.). Это сеть как самостоятельная реальность, выстраивающая молниеносные созвездия информации, трансформирующиеся с бешеной скоростью в иные фигуры.

Важным элементом в описании «постгеополитического» мира является концепция Кастельса «глобального города». Он утверждает, что постепенно привычный нам город как социальная матрица, расположенная в физическом пространстве и структурированная в соответствии с социальной морфологией, превращается в «глобальный город».

«Глобальный город не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра» 164.

«Глобальный город» есть не место, но процесс; он находится не на Суше, но на Море, на воде. Он концептуально нефиксирован и пребывает сразу во всех местах мира и ни в одном из них.

Рассмотрение теории Кастельса в геополитическом контексте многое объясняет в структуре глобализма и однополярного мира.

Р. Киохэйн, Дж. Най-мл.: инфосфера как могущество

Именно так и поступают современные американские геополитики («постгеополитики»): Роберт Киохэйн 165, Джозеф Най-мл. 166 и Дэвид Лонсдэйл 167, анализирующие геополитику сетей Интернет.

Р. Киохэйн и Дж. Най-мл. исследуют стратегическую роль информации в ее привязке к пространству. Они замечают, что связь информационных систем, в частности, сетей Интернет с пространством не прерывается полностью, как иногда представляют себе аналитики. Она сохраняется на нескольких уровнях. Во-первых, сервера находятся в конкретной физической точке, т. е. в зоне юрисдикции того или иного политического образования. «Информация распространяется не в вакууме, а в уже кем-то занятом политическом пространстве» 168. Во-вторых, стратегия поведения в информационной среде отражает то культурное, образовательное и социальное программирование, которое человек получает также в конкретном обществе, привязанном к качественному пространству. В третьих, если сеть предполагает равенство пользователей и ставит на один уровень Интернет-представительство крупного государства и блог частного лица,

то стратегии развития сети, регистрация доменных имен, разработка сетевых протоколов остаются строго централизованными, а значит, правила и модели поведения диктуются конкретным политическим актором. Им сегодня являются США, где сеть Интернет была создана и откуда «мировая паутина» распространяется в глобальном масштабе.

Следовательно, заключают Киохайэн и Най-мл., США и страны Запада должны рассматривать развитие мировой Интернет-сети как свое стратегическое преимущество, осмыслив его потенциал как поле ведения ООТВ (Operations Other Than Wars — «Операции, Иные, Чем Война»). При этом распространение информационных технологий даже в среду потенциального противника в этой ситуации следует признать стратегическим преимуществом, при сохранении монопольного контроля над кодами и протоколами. Это позволит быть в курсе действий противника в информационной среде (которая довольно прозрачна), но в то же время сохранять саму сетевую парадигму под своим полным контролем. Отсюда использование в глобальном масштабе в Интернете английского языка, программного обеспечения (типа Windows или Macintosh), разработки которого осуществляются в США и в той или иной степени контролируются американскими спецслужбами. Вместе с тем есть такое явление, как «китайский Интернет», т. е. попытка контроля со стороны политического руководства Китая доступа к тем или иным ресурсам WWW, которые могут, по мнению китайского руководства, нанести ущерб стратегическим интересам этой страны. Здесь мы имеем яркий пример территориализации информационной среды.

Д. Лонсдэйл: геополитика пятого измерения

В свою очередь, Дэвид Лонсдэйл выстраивает иерархию сред, которая обнаруживается в процессе осмысления роли качественного пространства в ходе стратегических трансформаций XX в.¹⁶⁹ Д. Лонсдэйл утверждает: еще Х. Макиндер показал, что геополитика Моря оказывается более эффективной, чем геополитика Суши за счет большей подвижности водной стихии по сравнению с земной. Еще более подвижной стихией является воздух. Здесь Лонсдэйл ссылается на идеи итальянского генерала и стратега Джулио Дуэ¹⁷⁰ (1869–1930), который настаивал на том, что контроль над воздушным пространством будет постепенно становиться главной задачей геополитики, и именно от него будет зависеть доступ к мировому господству. Хотя не все предсказания генерала Дуэ подтвердились, считает Лонсдэйл, в целом идея ставки на освоение все более и более «разряженных» стихий в мировой стратегии оправдана.

При этом Лонсдэйл сосредоточивает свое внимание на еще более разряженной среде, которую он называет «инфосферой», предлагая использовать, наряду с «Sea Power» и «Land Power», еще один геополитический (точнее, «постгеополитический») термин — «Information Power». Самые острые геополитические схватки будут отныне происходить в сфере IT, в «инфосфере» или в «пятом измерении».

Одно из свойств геополитики пятого измерения, которое отмечают все авторы, изучающие этот вопрос, заключается в росте влияния «малых акторов», которые с помощью сетевых технологий способны многократно усилить свой потенциал, ничтожный физически, политически и социально. Особенно опасным это может стать в отношении террористических групп или иных экстремистских организаций, которые в глобальной среде получают в руки мощное оружие. Задача идентификации этих угроз и

их подавления является основным вопросом глобальной безопасности в киберпространстве.

Эта тема выводит на более общую проблему — в чем состоит стратегия поведения США, «ядра», Центра, в глобальном сетевом пространстве, в «инфосфере»? Лондэйл отвечает на это следующим образом: необходим глобальный контроль над инфосферой, который может быть определен как «способность использовать инфосферу для реализации стратегических целей и способность предотвратить способность противника делать то же самое (эффективным образом)» 171.

Учитывая значение «инфосферы» и определенные коррекции, которая она вносит в традиционную стратегию, в том числе и на глобальном уровне, Лондэйл подчеркивает, что она не должна рассматриваться в полном отрыве от политической географии. Положение в инфосфере есть в конечном счете «лишь отражение геополитической реальности» 172, а значит, киберпространство есть не что иное, как продолжение геополитики Моря, развивающее ее предпосылки и методологии до логического конца.

Показательно, что перемещение в воздухе и перемещение по сайтам в сети Интернет называется терминами, содержащими в себе прямой намек на жидкую стихию (Море) — «воздухоплавание», «аэро- навтика» (от греческого «αἴρ», «воздух», и «ναῦς» — «корабль»). Пользователей сети Интернет во франкоязычной среде также называют «интер-навтами» («les internautes»).

К. Паскаль: глобальное потепление и новая геополитическая карта мира

Одна из любимых тем глобалистов (и антиглобалистов) — это изменение мирового климата. Инициаторами повышенного внимания к этой проблеме были эксперты «Римского клуба» в рамках общего проекта пропаганды глобального взгляда на мир. Так, Александр Кинг, один из основателей Римского клуба, откровенно признавался: «В поисках нового врага, который объединил бы нас, мы напали на идею загрязнения окружающей среды, угрозу глобального потепления, дефицита пресной воды, голода и всего остального, что подходило к нашему случаю. Все эти опасности имели причину в действиях людей, поэтому и победить их можно было, только изменив поведение и отношение людей» 173. В этом пассаже очевиден инструментальный характер самой проблемы «климатических изменений», которая была поставлена в центр внимания в целях наглядного подтверждения актуальности глобалистского подхода.

Инициатива «Римского клуба» была поддержана целым рядом ученых и стала любимой темой мировых СМИ. Некоторые исследователи попытались применить к изменению климата геополитический подход, что легло в основу целого направления, называемого иногда «геополитикой климата».

Здесь можно упомянуть книгу молодой сотрудницы британского глобалистского центра «Королевский Институт Стратегических Исследований» Клио Паскаль «Глобальное потепление: как кризисы в области окружающей среды, экономики и политики изменят карту мира» 174 и исследование авторитетного канадского геополитика и кинодокументалиста Гвина Дайера «Климатические войны» 175.

В своей работе Клио Паскаль описывает вероятные последствия глобального потепления климата, которые, по ее мнению, приведут к ряду необратимых сдвигов в картине мира. Потепление повысит уровень воды в мировом океане, а значит, радикально изменит модель контроля над политическим пространством со стороны «цивилизации Моря» (Клио Паскаль оперирует терминами классической геополитики). Изменение береговой линии приведет к тому, что в мире могут появиться новые лидеры и могущество Запада (США и Европы) может оказаться под ударом.

По мнению Паскаль, немного стран готовится к такому повороту событий всерьез, и среди них первое место занимает Китай. Паскаль подробно останавливается на тех преимуществах, которые сможет вынести из глобального потепления Китай, у которого откроется возможность укрепить свою власть над всем Тихоокеанским регионом, тогда как проблемы нехватки пресной воды чрезвычайно ослабят Соединенные Штаты Америки и заставят их сосредоточиться на внутренних проблемах.

Г. Дайер: геополитика климатических войн

Сходный подход прослеживается в книге Гвиана Дайера, выступавшего с рядом докладов по изменению климата в Пентагоне и штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Г. Дайер еще более конкретен. Согласно его прогнозам, фундаментальных перемен в мировой политике следует ожидать к 2045 г., но начнутся они еще раньше — уже в самое ближайшее время. Основной тенденцией является все то же потепление. Прослеживая закономерности в изменении среднегодовых температур в разных регионах Земли, Гвин Дайер утверждает, что главной силой мировых перемен станет аридизация (обезвоживание) ныне плодородных почв, расположенных в южных регионах. Дефицит пресной воды приведет к разрушению аграрной инфраструктуры и массовым паническим миграциям в зоны, более приспособленные для проживания. По сценарию Дайера в 2019 г. последствия климатического удара испытает на себе Россия, которая подвергнется нашествию населения из Центральной Азии, часть территорий которой превратится в необитаемую пустыню. К 2029 г. под атакой беженцев с Юга, из Мексики, окажутся США. В 2036 г. не приспособленными для человека станут земли Северной Индии, а в 2042 г. придет очередь Китая. Так к 2045 г. сложатся объективные условия для глобального вооруженного конфликта не только за энергетические ресурсы развития, но просто за выживание и доступ к землям, где человек сможет прокормить себя. Это и есть эпоха начала климатических войн.

Побочные эффекты потепления — таяние полярных льдов, повышение уровня мирового океана и т. п. — только усугубят ситуацию, т. к. еще более сократят объем пригодных для жизни человека территорий. Согласно Гвину Дайеру, правительства современных государств, и в том числе и военные министерства и ведомства, уже сегодня должны закладывать подобные сценарии в своих планах и готовиться к максимально адекватному реагированию.

М. Чассудовски: управление погодой в военных целях

Критические исследования проблемы изменения климата и манипуляции погодой с помощью искусственных секретных технологий проводит другой канадский ученый и геополитик Майкл Чассудовски [176](#). Согласно его информации, вооруженные силы США десятки лет работают над созданием «климатического оружия», которое обеспечило бы США глобальную доминацию в новых условиях и позволило бы

единолично пользоваться технологиями, которых нет ни у одной другой страны. Он ссылается на материалы Университета Колледжа Военно-Воздушных сил США, в которых открыто признается необходимость управления климатом в военных целях. «Изменения климата станет частью внутренней и международной безопасности и позволит использовать его в одностороннем порядке. Оно может быть использовано для обороны и для нападения, а также в целях сдерживания. Способность вызывать землетрясения, туман, штормы на земле, а также изменять структуру космического пространства, а также искусственные манипуляции погодой — все это часть интегрированных технологий, которые могут фундаментально усилить США и ослабить противника, обеспечить глобальную разведку, повысить досягаемость и силу» [177](#).

Чассудовски обращает внимание на программу HAARP, в рамках которой на Аляске США была построена секретная лаборатория по использованию новейших технологий для влияния на климат с помощью индукции определенных процессов в ионосфере. Ионосфера служит для защиты Земли от радиации, и точечное влияние на ее структуру способно влиять на климатические явления, а возможно, и поражать определенные объекты.

Аномальные климатические явления лета 2010 г. в России и Европе вызвали в России шквал публикаций, где темы, рассматривавшиеся М. Чассудовским за несколько лет до этого, получили новое дыхание [178](#).

Геополитика климатических войн представляет собой пример экстравагантного применения геополитической методологии к реальным или предполагаемым, реконструируемым явлениям, связанных с процессом глобализации.

Эверетт Долман: геополитика космического пространства

Еще одной любопытной версией «постгеополитики» является геополитика космического пространства, или «астрополитика», предложенная Эвереттом Долманом ¹⁷⁹. Он применяет геополитическую схему к солнечной системе. И снова речь идет о геополитике Моря, что отражено даже в названии «космо-навтики», т. е. дословно, «космосо-плавания».

Долман берет в качестве карты своей «астрополитики» пространство солнечной системы, которую он приравнивает к новому изданию Heartland'a, к «Евразии». Он прикладывает к ней формулу Макиндера: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Heartland. Кто контролирует Heartland, тот контролирует Мировой Остров (Евразию). Кто управляет Мировым Островом, тот управляет миром». Утверждая, что на следующем этапе принципиальным будет контроль над планетами этой системы, на которых сосредоточены ресурсы, которые станут в ближайшем времени залогом выживания человечества и битва за которые предопределяет судьбу «мирового господства» в новом масштабе (на сей раз на уровне солнечной системы, Долман выделяет четыре стратегических (астрополитических) региона.

1. Terra или Земля, которая осмысливается как пространство, с которого можно осуществлять запуски космических кораблей (!) на орбиту. Земля рассматривается Долманом как береговая зона или авианосец, плавающий в

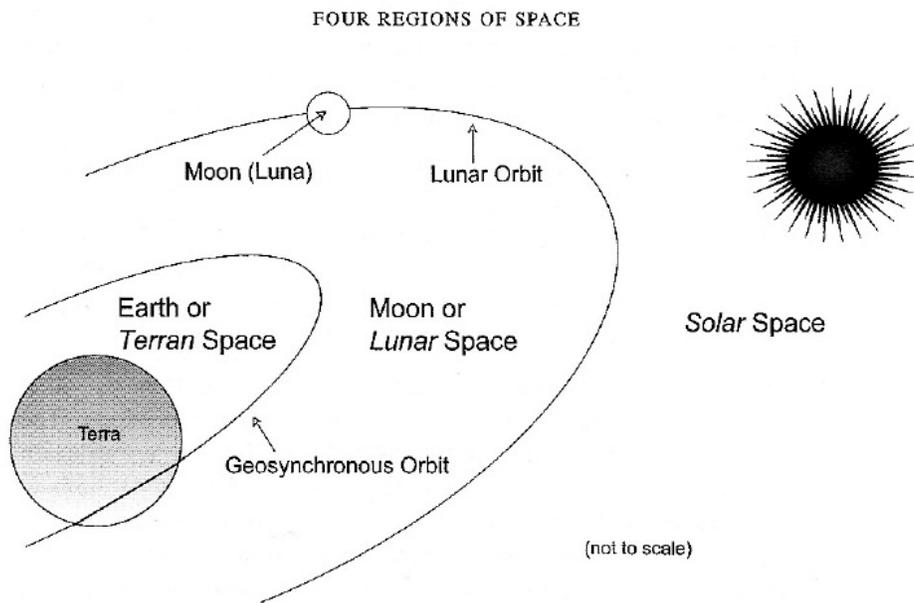
солнечной системе. Земля — это промежуточный регион между качественным пространством классической геополитики и астрополитикой.

2. Земное орбитальное пространство (от минимального расстояния от Земли, на котором возможно орбитальное вращение вокруг нее, до 36 000 км). В этой зоне расположены сегодня все спутники, космические аппараты разведки, станции слежения. Эта зона уже сегодня рассматривается как область особого стратегического значения и предназначается для развертывания в ней системы космических вооружений, программа которых уже запущена.

3. Лунное пространство, расположенное далее 36 000 километров от Земли и до границ орбиты Луны. Сама Луна является только одним — видимым — стратегическим объектом в этой зоне, но в ее пределах располагается ряд позиций, которые являются ключевыми для организации контроля над первым и вторым астрополитическими регионами.

*4. Солнечное пространство включает в себя всю зону, на которую распространяется солнечная гравитация — за пределом лунной орбиты. Пока технологии не позволяют всерьез приступить к освоению этого четвертого региона, но уже в ближайшем будущем планеты, находящиеся в этой зоне, и крупные астероиды из пояса астероидов станут важнейшими пунктами, необходимыми для дальнейшего постиндустриального развития человечества и территорий человеческой колонизации. Солнечное пространство — это новое издание «жизненного пространства» (*Lebensraum* — Ратцеля-Хаусхофера) 180.*

Согласно Э. Долману, в ходе глобализации именно космическая ориентация и освоение космического пространства станет в центре истории, как это было в эпоху «великих географических открытий». Однако для того, чтобы современному Западу обеспечить себе наиболее выгодные стартовые условия в астрополитике, уже сегодня следует обращать внимание не на доигрывание старых геополитических игр, но на разработку космических программ и обеспечение военного стратегического контроля над зонами, наиболее благоприятными для освоения, т. е. на территории второго и третьего космических регионов (орбитального и лунного). Ключевыми точками являются зоны, расположенные на 63,4 градусе северной долготы (в частности, космодром Плесецк) и в пространстве экватора. Э. Долман полагает, что судьба будущих космических колонизаций решается уже сегодня. Правительство США должно учитывать новое стратегическое видение при выстраивании баланса сил и структуры контроля над различными зонами Земли, глобально осмысленной как «береговая зона», откуда предстоит отправиться в плавание по океану Солнечной Системы.

Карта 32. Карта «космической геополитики» Эверетта Долмана

У. Оуэнс, Д. Ронфильд, Дж. Аркилла: сеть и полное доминирование

Примером стратегического осмысления информосферы является концепция «сетевых войн», которая стала возможным только в условиях глобализации и тотальной информатизации общества. На основе этой концепции уже с 1990-х гг. начались реформы классической военной стратегии в США. В начале 2000-х гг. многие аспекты этой доктрины тестировались на практике в Ираке и Афганистане и проходили апробацию в других странах НАТО, в том числе и в ходе боевых учений. А в 2010 г. даже российское военное командование объявило о переходе Российских Вооруженных Сил на сетцентрический принцип [181](#).

Впервые открыто сформулировал концепцию «системы систем» один из руководителей объединенных штабов ВС США адмирал Уильфм Оуэнс [182](#), который заявил, что необходимо использовать новейшие информационные технологии в реорганизации военной стратегии на новом уровне. Смысл «системы систем» заключался в обеспечении «Полноспектрового Доминирования» (Full Spectrum Dominance) через сочетание данных космической разведки и иных информационных датчиков и проведения силовых операций в конкретной обстановке для обеспечения тотального заведомого превосходства над противником, основанного на полном господстве в информационной области (во всех смыслах — от разведки до кампаний в прессе, активности в интернет среде и т. д.).

Ранее, в 1993 г., Дэвидом Ронфельдом и Джоном Аркиллой ¹⁸³ из RAND-корпорации была предложена несколько иная модель сетевой войны, основой которой было не технологическое обеспечение акторов конфликта, а социальные сети и дезиерархизированные общества. Ими была издана книга «Подготовка к конфликтам в информационную эпоху»¹⁸⁴. Они утверждали, что в новом постмодернистском обществе власть переходит к новым действующим лицам — транснациональным корпорациям, криминальным и террористическим группировкам, наркокартелям, различным политическим движениям. Ронфельд и Аркилла отмечают новую парадигму конфликта; атакующая сторона действует по принципу «роения», а не «массированности», как было ранее. При этом сами границы конфликта по хронологии и физическим рамкам размыты: не ясно, когда он начинается, кто и насколько сильно в него вовлечен. В качестве акторов сетевых войн могут использоваться третьи лица — от небольших организаций до государств¹⁸⁵.

А. Сибровски, Дж. Гарстка: сетецентрическая стратегия нового поколения

Начиная с середины 1990-х гг., Офисом Реформирования ВС Секретаря Обороны (Office of Force Transformation) под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски (1942–2005) и аналитиком Джоном Гарстка ¹⁸⁶ была разработана одна из последних версий «новой теории ведения войн» («emerging theory of war»). Основы этой теории ее разработчики обобщили в документе «Внедрение сетецентричного военного искусства»¹⁸⁷, опубликованном в 2005 г. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем она «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее»¹⁸⁸.

Теория сетецентричной войны основана на делении циклов человеческой истории на три фазы: аграрной, промышленной и информационной эпох, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим эпохам строго соответствуют социологические понятия — премодерн, модерн и постмодерн. Информационная эпоха — это период Постмодерна, который устанавливается сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетецентричных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях Постмодерна. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетецентричные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (Модерна). Теория сетецентричных войн представляет собой перенос основных моментов постмодернистского подхода на сферу военной науки.

Ключевым понятием для этой теории является термин «сеть». В современном американском языке, помимо существительного «the network» — «сеть», появился неологизм — глагол «to network», что приблизительно переводится как «осетить», «охватить сетью», «внедрить сеть в», «подключить к сети». Смысл «сети», «сетевого принципа» состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» с максимальным расширением форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть», по мнению теоретиков сетевых войн, представляет собой новое информационное пространство, в котором разворачиваются основные стратегические операции — как разведывательного, так и

военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и прочее — все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен.

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: в создании мощной и всеобъемлющей глобальной сети, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. В таких условиях война становится сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

Э. Смит: Операции Базовых Эффектов

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «Операции Базовых Эффектов» («Effects-Based Operations»). «ОБЭ» определяются военными теоретиками сетевых войн как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» 189. Это концепция была детально разработана Э. Смитом 190.

«ОБЭ» означает заведомое установление полного и абсолютного контроля надо всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны»: она не имеет начала и конца, ведется постоянно, и ее цель состоит в обеспечении тем, кто ее ведет, способности всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т. д. Это проект глобальной манипуляции.

Задачей «ОБЭ» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, т. е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет «ОБЭ» — т. е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток заведомо, еще до того момента, когда следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до ее начала.

«ОБЭ» в равной мере применяются в период военных действий, в моменты кризиса и в периоды мира, что подчеркивает тотальный характер сетевых войн: они запускаются не только в момент напряженного противостояния и в отношении противников, как классические войны промышленного периода, но и в периоды мира и в отношении союзников или нейтральных сил. Цель сетевых войн — «ОБЭ», а цель «ОБЭ» — абсолютный контроль надо всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

На появление первых концепций «сетевых войн» повлияли изменения в разных секторах американского общества — в экономике, бизнесе, технологиях и т. д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

- *перенос внимания от концепта «платформы» к «сети»;*
- *переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;*
- *важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах [191](#).*

В военно-стратегическом смысле это означает:

- *переход от отдельных единиц (солдат, батальонов, частей, огневых точек, боевых единиц и т. д.) к обобщающим системам;*
- *рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;*
- *повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним [192](#).*

Целью перехода к сетевым военным моделям являются:

- *обеспечение наличия союзников и друзей;*
- *внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США;*
- *предупреждение угроз и агрессивных действий против США;*
- *быстрая и решительная победа над противником [193](#).*

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевой подход:

- *лучшая синхронизация событий и их последствий на поле боя;*
- *достижения большей скорости передачи команд;*

– повышение количества жертв среди противников, сокращение жертв среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней ¹⁹⁴.

В первую очередь следует сражаться за информационное превосходство, для чего необходимо:

– искусственно увеличивать потребность противника в информации и одновременно сокращать для него доступ к ней;

– обеспечивать широкий доступ к информации своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника;

– сокращать собственную потребность в статичной информации через обеспечение доступа к широкому спектру оперативного и динамического информирования ¹⁹⁵.

Теория сетцентричных войн не апеллирует напрямую к геополитике, но построена на принципе укрепления и обеспечения стратегического доминирования США в условиях глобализации и глобального мира в принципиально новой «пост-морской» среде — сетевой и информационной. То, что у социолога М. Кастельса описано в нейтральных терминах как «пространство потоков», «глобальный город» и «информационизм», в военно-стратегическом мышлении американских военных превращается в оружие нового поколения, поскольку само существование глобальной сети они совершенно справедливо оценивают как фундаментальный исторический успех и залог мирового контроля США.

¹⁶¹Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. 2000. [Электронный ресурс] URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ (дата обращения 25.08.2010).

¹⁶²Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.

¹⁶³Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

¹⁶⁴Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

¹⁶⁵Keohane R., Nye J.S.Jr. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs. 1988. 77/5 (Sept. Oct.). С. 81–94.

¹⁶⁶Ibidem.

¹⁶⁷Lonsdale David J. Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension / Gray Colin S., Sloan G. (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003.

¹⁶⁸Keohane R., Nye J.S.Jr. Power and Interdependence in the Information Age. С. 81.

- 169Lonsdale David J. Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. C. 138–139.
- 170Douhet G. Command of the Air. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1942.
- 171Lonsdale David J. Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. C. 143.
- 172Lonsdale David J. Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. C. 154.
- 173King A., Schneider B. The First Global Revolution: A Report by the Council of Rome. London: Simon and Schuster, 1992. C. 104–105.
- 174Paskal Cleo. Global Warring. How Environmental, Economic, and Political Crises Will Redraw the World Map. London: Palgrave Macmillan, 2008.
- 175 Dyer Gwynne. Climate War. Montreal: Random House of Canada, 2009.
- 176Chossudovsky Michel. The Ultimate Weapon of Mass Destruction: «Owning the Weather» for Military Use. — www.globalresearch.ca 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalresearch.ca/articles/CHO409F.html> (дата обращения 23.04.2009).
- 177Там же.
- 178Против России применено климатическое оружие — Свободная Пресса. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://svpressa.ru/society/article/28154/> (дата обращения 23.08.2010).
- 179Dolman Everett C. Geostrategy in the Space Age: An Astropolitical Analysis / Gray Colin S., Sloan G. (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003. C. 83–106.
- 180Dolman Everett C. Geostrategy in the Space Age: An Astropolitical Analysis.
- 181Российская армия переходит на сетцентрический принцип — www.km.ru 2010 [Электронный ресурс] URL: http://news.km.ru/rossijskaya_armiya_perexodit_na_ (дата обращения 23.08.2010).
- 182Owens William A. Lifting the Fog of War. Washington: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- 183Arquilla J., Ronfield D. The Advent of Netwar. Washington: RAND, 1996; Arquilla J. Ronfield D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Washington: RAND, 2003.
- 184Arquilla J., Ronfield D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Washington: RAND, 1997.

185 Многие аналитики отмечают, что так называемые «цветные революции», проходившие в странах Европы и Азии (Сербия, Грузия, Украина, Киргизия, Молдова) представляли собой сетевые войны, проводившиеся против правительств этих государств.

186 Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Washington: CCRP Publications, 1999. В сети Интернет: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf.

187 The Implementation of Network-Centric Warfare. — www.au.af.mil. 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/transformation/oft_implementation_ncw.pdf (дата обращения 28.08.2010).

188 Ibidem.

189 См. Smith Edward A. Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington: DC:DoD CCRP, 2002.

190 Ibidem.

191 The Implementation of Network-Centric Warfare.

192 Ibidem.

193 Ibidem.

194 Ibidem.

195 Ibidem.